

**НАУЧНЫЕ
ТРУДЫ
МОСКОВСКОГО
ГУМАНИТАРНОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Выпуск 146 (№2/2013)

Рецензируемое периодическое издание
Издается с 2002 года

**Издательство Московского гуманитарного университета
2013**

ББК60
Н34

ISSN 2307-5937

Главный редактор
доктор исторических наук, профессор В.К. Криворученко

Свидетельство о регистрации Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия ПИ №ФС77-21885 от 14 сентября 2005 г.

Научные труды Московского гуманитарного университета / Сост., науч. ред. В.К. Криворученко, С.В. Алексеев. М.: Издательство Московского гуманитарного университета, 2013. Вып. 146 (№2/2013). – 32 с.

© Московский гуманитарный университет, 2013

© Авторы статей, 2013

Издательство Московского гуманитарного университета
111395, Москва, ул. Юности 5/1, к.6.

Контактная информация издания размещена на официальном сайте:
http://www.mosgu.ru/nauchnaya/nauch_trudy/

Подписано в печать 28.02.2013. Тир. 500 экз.

Владимир Константинович Криворученко
(1930-2013)

На протяжении одиннадцати лет, прошедших с начала издания «Научных трудов Московского гуманитарного университета», бессменным главным редактором издания являлся доктор исторических наук, профессор Владимир Константинович Криворученко. Под его руководством «Научные труды» выросли в стабильное и ответственное издание, отражающее достижения различных областей гуманитарного знания. Все последние годы журнал был главным его делом, развитию и совершенствованию которого он отдавал немало сил и уделял неослабное внимание.

Владимир Константинович родился в г. Ростове-на-Дону; окончил Ростовский институт сельскохозяйственного машиностроения по специальности «инженер-механик» в 1954 г., докторантуру Института молодежи в 1979 г.

Кандидат исторических наук с 1971 г., старший научный сотрудник с 1973, доцент с 1976. Доктор исторических наук (1981), профессор (1982), профессор кафедры истории МосГУ с 1982 г., главный научный сотрудник Московского городского университета управления Правительства Москвы с 2002 г. В последние годы работал заместителем начальника Управления аспирантуры, докторантуры и научной работы МосГУ.

Преподавал (доцент, профессор кафедры истории) в ВКШ при ЦК ВЛКСМ, Институте молодежи, Московском гуманитарно-социальной академии, Московском гуманитарном университете с 1971 г. Профессор кафедры истории России и права Московского государственного института (технического университета) радиотехники, электроники и автоматики в 1992-1995 гг.

Помощник депутата Государственной Думы Федерального Собрания РФ (на общественных началах) с 1996-2003 гг.; помощник члена Совета Федерации ФС РФ в 2001-2005 гг. Лауреат премий конкурсов на лучшую научную работу и учебные пособия. Был награжден серебряной медалью ВДНХ; орденом «Знак Почета» и 7 медалями СССР и РФ. Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (1999).

Основное направление исследований: отечественная, политическая и социальная история, теория и история политической науки, методология и история молодежного движения, науковедение. В России и за рубежом опубликовано свыше 700 научных работ.

Помимо «Научных трудов Московского гуманитарного университета», В.К. Криворученко являлся научным редактором и членом редколлегии изданий «Труды Московского городского университета управления Правительства Москвы», «Вестник Московского городского университета управления Правительства Москвы»; членом редколлегии изданий «Научно-теоретический и аналитический журнал "Управление мегаполисом"», «Вестник Национального института бизнеса»; членом редакции информационного гуманитарного портала «Знание, Понимание, Умение».

Руководитель сложившейся научной школы, В.К. Криворученко подготовил 27 докторов и 32 кандидата наук. В русле исследований школы опубликовано свыше 50 монографических исследований.

23 января 2013 г. Владимир Константинович Криворученко ушел из жизни.

О Владимире Константиновиче Криворученко

Пеньковский Дмитрий Дмитриевич, доктор исторических наук, заведующий отделом научно-исследовательской, издательской работы и аспирантуры Национального института бизнеса, профессор кафедры истории Московского гуманитарного университета, член редколлегии журнала «Научные труды МосГУ»

Владимир Константинович Криворученко был для меня настоящим учителем и другом, который оказал большое влияние на мою судьбу. Он меня многому научил и подсказал ряд прекрасных идей, которые мы затем вместе реализовали. Наше тесное знакомство началось в 2001 году, когда я начал работать в Национальном институте бизнеса. Наш ректор С.И. Плаксий при моем переходе на работу в отдел науки и издательской работы посоветовал при всех сложностях и проблемах консультироваться с Владимиром Константиновичем, которого мы оба хорошо знали еще по Высшей комсомольской школе.

Первую и очень серьезную помощь я получил от него при подготовке институтского Вестника. Учитывая, что перед институтом тогда встала проблема публикации научных статей студентов и преподавателей в своем журнале, Владимир Константинович подсказал идею, а затем дал подробную консультацию о методике подготовки сборников научных статей Московского гуманитарного университета. После ряда его дополнительных консультаций и определенной подготовки начался выпуск научного Вестника Национального института бизнеса, который печатается уже более 10 лет.

Владимир Константинович оказал серьезное влияние и на мою научную деятельность. После сбора материала в архивах по истории эмиграции белого казачества в 2006 г. мной была представлена диссертация В. К. Криворученко, как научному консультанту. Он доброжелательно принял рукопись диссертации и на удивление быстро ее прочитал. Отметив при ее анализе, что в работе много добротного архивного материала и хорошо выверенных выводов, сделал замечание на слишком большой объем автореферата диссертации, который сам же быстро выправил. Его правка автореферата была предельно четкая, что до сих пор является для меня примером.

После утверждения ученой степени доктора исторических наук Владимир Константинович поздравил меня самым первым, заранее узнав о решении ВАКа. Вообще у нас с ним общения были достаточно разнообразные, то он звонил с какой-то идеей, то присылал по Интернету определенный материал, с просьбой просмотреть и высказать свое мнение. Довольно часто он заходил ко мне в кабинет, чтобы выпить чашечку кофе и обсудить различные идеи.

В результате как-то сам собой у нас сложился хороший творческий тандем, и в результате мы много и успешно работали. Еще в 2005 г. мной была предложена Владимиру Константиновичу идея, написать методическое пособие в помощь аспирантам по методике подготовки диссертаций. Он идею поддер-

жал, и мы за короткое время подготовили и выпустили книгу «Диссертационное исследование: вопросы и ответы». В начале 2008 г. у нас с В. К. Криворученко состоялась серия серьезных дискуссий по поводу 90 - летия ВЛКСМ и его непростой истории. Результатом этих дискуссий стал выпуск к юбилею комсомола книги «Комсомолу девяносто. В поисках истины его истории».

Владимир Константинович был человеком потрясающе работоспособным, творческим, у него всегда было большое количество интересных идей. Мы написали в соавторстве несколько книг, но главным автором всегда был он. В 2012 г. в связи с новыми требованиями ВАКа мной была предложена Владимиру Константиновичу идея, издать новое пособие по методике написания диссертаций. К, сожалению, нам так и не удалось завершить работу над книгой «Как написать и защитить диссертацию», которую мы уже начали писать. Книга, разумеется, скоро будет завершена и выпущена как память о дорогом мне человеке, моем добром и мудром Учителе.

Князь Изяслав Давидович Черниговский: политический портрет
А. А. Инков

Prince Izyaslav Davidovich of Chernigov: political portrait
A. A. Inkov

Аннотация: Статья посвящена политической биографии черниговского князя Изяслава Давидовича.

Ключевые слова: князья, раздробленность, Древняя Русь.

Abstract: Article focuses on the political biography of Chernigov prince Izyaslav Davidovich.

Keywords: princes, fragmentation, Ancient Russia.

Будущий герой русских усобиц Изяслав Давидович родился в семье черниговского князя Давида Святославича, приходившегося внуком великому киевскому князю Ярославу Мудрому. Год рождения Изяслава Давидовича неизвестен. Давид Святославич, отец Изяслава, умер в 1125 г. Впервые же сам Изяслав упоминается летописью под 1142 г. (ПСРЛ, 2001b: 310), когда вместе с другими северскими князьями он выступил против великого киевского князя Всеволода Ольговича, добиваясь от последнего наделения уделами в Черниговском княжестве. К этому времени Изяслав был уже вполне сформировавшимся человеком, так как всего четыре года спустя он уже самостоятельно командовал крупными военными формированиями.

По летописным известиям, известны два старших брата Изяслава. Первый из них Святослав по прозвищу Святоша являлся заметной фигурой в истории Руси конца XI в., но в 1106 г. добровольно отказался от мирской жизни и ушел в монастырь. Второй из старших братьев Владимир в 1141 – 1151 гг. занимал черниговский стол и позднее погиб, поддерживая притязания на Киев волынского князя Изяслава Мстиславича. О матери Изяслава не сохранилось никаких сведений.

После смерти князя Давида Святославича, отца Изяслава, в 1123 г. черниговский стол на короткое время занял дядя Изяслава муромский князь Ярослав Святославич. Однако население Чернигова считало его чужаком, и в 1127 г. он был изгнан своим племянником Всеволодом Ольговичем (ПСРЛ, 2001b: 290).

Несмотря на то, что Всеволод принадлежал к младшей ветви черниговских князей, его вокняжение в Чернигове не встретило со стороны старших Давидовичей какого-либо противодействия. Возможно, причина этого объяснялась юным возрастом княжичей, которые были еще не готовы самостоятельно взять бразды правления княжеством в свои руки. Очевидно поэтому, Всеволод Ольгович не выделил двоюродным братьям никаких уделов, и оба они жили

при его дворе на положении безземельных вассалов наравне с младшими родными братьями самого Всеволода.

Став черниговским князем, Всеволод Ольгович не собирался останавливаться на достигнутом и вынашивал далеко идущие планы. В 1135 г. черниговский князь вмешался в усобицу между Мономаховичами, бывшими главными противниками Ольговичей в спорах за власть на Руси. Сначала Всеволод поддержал своих племянников Мстиславичей, добивавшихся от своих дядьев выделения им в удел Переяславля, а когда те и другие примирились между собой, открыто начал борьбу за великокняжеский киевский стол. Описывая перипетии войны между противниками, летописец называет черниговских князей Ольговичами. Тем не менее, скорее всего, в усобице участвовали не только родные братья черниговского князя Игорь и Святослав, но и двоюродные Владимир и Изяслав Давидовичи. Последних Всеволод Ольгович мог привлечь на свою сторону обещанием выделить им после своей победы уделы в Черниговской земле и прежде всего, отдать сам Чернигов (Соловьев, 1988: 415).

После длительной и шедшей с переменным успехом борьбы с Мономаховичами, 4 марта 1139 г. Всеволод Ольгович вошел в Киев и сел на великокняжеском столе. В соответствии с ранее достигнутой договоренностью он передал Чернигов Владимиру Давидовичу. Однако вскоре выяснилось, что глава Ольговичей выполнил свое обещание не полностью. Половину черниговских владений, в том числе приносящую наибольшие доходы землю вятичей Всеволод удержал за собой, а Давидовичи, хотя и получили Чернигов, фактически владели лишь столицей и ее окрестностями.

В 1142 г. между Всеволодом и остальными черниговскими князьями вновь вспыхнули раздоры. Не добившись от старшего брата выделения им уделов, Ольговичи и Давидовичи собрались в Городце на левом берегу Днепра, откуда послали Всеволоду требование разделить принадлежащие земли: отдать им Черниговскую и Новгород-северскую волости, а себе оставить Киев. В случае отказа отдать указанные волости, братья пригрозили, что сами их возьмут (ПСРЛ, 2001b: 311). Всеволод не пожелал уступить, чем спровоцировал вооруженный конфликт.

Ольговичи и Давидовичи двинулись к Переяславлю, намереваясь изгнать оттуда посаженного Всеволодом князя Вячеслава Владимировича и отдать город Игорю Ольговичу, которому великий князь обещал передать город еще три года назад. В битве под стенами Переяславля мятежные князья потерпели сокрушительное поражение и бежали в Чернигов.

Ольговичам и Давидовичам пришлось ехать в Киев с повинной. Надеясь все же добиться от великого князя уступок, братья поклялись стоять «за один» и не соглашаться на заключение мира, пока не будут удовлетворены все их требования. Узнав об этом, Всеволод пообещал Давидовичам наделить их лучшими волостями, если они отступят от союза с Ольговичами. Когда же, Давидовичи, поверив, нарушили клятву, данную Игорю и Святославу, и перешли на его сторону, великий князь легко заставил и тех и других отказаться от своих

прежних требований. В итоге, мир был заключен на выгодных для Всеволода условиях. Вместо черниговских и северских земель родные братья великого князя Игорь и Святослав получили несколько незначительных городков: Городец Остерский, Рогачев, Клецк и Черторыйск, а Давидовичи – в дополнение к Берестью и Дорогочину просимую ими черниговскую волость – Вщиж и Ормину (ПСРЛ, 2001b: 312). Всеволод не только сохранил в своих руках контроль над всеми важнейшими русскими землями, но и сумел смертельно перессорить между собой Ольговичей и Давидовичей, которые в последующем уже больше никогда не могли объединиться между собой..

В середине 40-х гг. XII в. военные и дипломатические способности Изяслава впервые были замечены киевским князем Всеволодом Ольговичем. Готовя в 1144 г. поход против галицкого князя Володимерко Володаревича, Всеволод направил своего двоюродного брата к половцам с приказом привлечь их к союзу с Киевом. Отправившись в степь, Изяслав блестяще справился с возложенной на него задачей. Набрав среди кочевников многочисленный контингент воинов, черниговский князь прошелся по окраинам Галицкого княжества и захватил два стратегически важных города Микулин и Ущицу (ПСРЛ, 2001a: 311). Участие Изяслава в войне с Галичем было примечательно тем, что позволило ему наладить личные дружественные контакты с половецкими ханами, услугами которых в будущем он широко пользовался в непрерывных межкняжеских усобицах.

В 1145 г. Изяслав Давидович вместе со своим двоюродным братом Святославом Ольговичем по приказу великого киевского князя Всеволода Ольговича участвовал в успешном походе русских войск в Польшу (ПСРЛ, 2001: 318).

В 1146 г. во время нового похода киевского князя Всеволода Ольговича на Галич Изяслав Давидович был оставлен вместе с некоторыми другими князьями стеречь Киев. Это еще раз доказывает высокое доверие, которое к нему питал киевский князь. К этому времени отношения между Ольговичами и Давидовичами постепенно вновь начали ухудшаться. В 1145 г. престарелый Всеволод Ольгович заставил Давидовичей целовать крест своему младшему брату Игорю Ольговичу, которому он собирался передать после своей смерти великокняжеский киевский стол, в том, что они не станут искать под тем Киевом и будут ходить по его «воли» (ПСРЛ, 2001b: 318). Накануне своей смерти в 1146 г. Всеволод еще раз направил в Чернигов к Давидовичам вестника с вопросом: «Стоите ли въ хрстьномъ целованьи оу брата своего оу Игоря?». «Стоимы» (ПСРЛ, 2001b: 321), – непоколебимо отвечали те.

Владимир и Изяслав поддержали восшествие Игоря на великокняжеский стол. Однако последний никак не отблагодарил своих родственников передачей им новых волостей. Поэтому, когда против Игоря выступил переяславский князь Изяслав Мстиславич, двоюродные братья фактически отказались оказать ему помощь. В битве с Изяславом Игорь потерпел сокрушительное поражение и попал в плен. Дворы его сторонников в Киеве были разграблены. Младший брат Игоря Святослав Ольгович чудом спасся с побоища. Вернувшись на левый

берег Днепра, северский князь немедленно потребовал от Давидовичей во исполнение прежде данной клятвы объединиться с ним и вместе добиваться освобождения Игоря. Ни Владимиру, ни его брату Изяславу вовсе не было выгодно вступаться за Игоря, так как, получив свободу, тот, несомненно, потребовал бы от них передачи ему черниговского стола (ПСРЛ, 2001а: 311). Поэтому Давидовичи решили схватить Святослава и завладеть принадлежавшими Ольговичам Путивлем и Новгород-Северским. В последний момент план этот сорвался. Тогда братья признали Изяслава Мстиславича киевским князем и призвали его соединиться с ними для уничтожения Святослава Ольговича. Но и последний нашел себе союзников в лице суздальского князя Юрия Долгорукого, которому он обещал помочь в достижение киевского стола. Таким образом, конфликт между Давидовичами и Ольговичами, начавшийся как внутрисемейный, быстро принял характер общерусского.

В течение последующих нескольких лет, на протяжении которых между суздальским князем Юрием Долгоруким и переяславским князем Изяславом Мстиславичем шла ожесточенная борьба за обладание великим киевским столом, Давидовичи неизменно стремились принять сторону сильнейшего, переходя из одного противоборствующего лагеря в другой. Основной целью черниговских князей при этом оставалось сохранение в своих руках черниговских и северских земель, а при случае и округление владений. В 1147 г. при помощи киевского князя Изяслава Мстиславича братья изгнали Святослава Ольговича из его владений и завладели северскими землями (Поляков, 2001: 107). По договоренности с Изяславом Мстиславичем Новгород-Северский был отдан в удел Изяславу Давидовичу. Однако в своей новой столице тот пробыл недолго. Оставив в городе посадника, Изяслав Давидович вместе с Изяславом Мстиславичем направился в погоню за Святославом Ольговичем, отступившим в землю вятичей. Отпросившись у киевского князя, Давидович во главе 3000 всадников, налегке, без обоза бросился вперед. Узнав, что тот оторвался от главных сил, Святослав с бывшими при нем половцами повернул назад и, неожиданно обрушившись на отряд преследователей, наголову его разбил. Эта победа укрепила положение Святослава и в следующем году Давидовичи вынуждены были вступить с ним в отдельные переговоры, согласившись вернуть ему захваченные земли. Они заключили союз с Ольговичами (ПСРЛ, 2001b: 355)¹ и отступились от великого князя.

Вскоре после этого черниговские князья оказались втянуты в новую авантюру. Решено было заманить великого князя на восточный берег Днепра и схватить его, а затем добиваться освобождения Игоря Ольговича. О заговоре стало известно Изяславу Мстиславичу и, испугавшись его реакции, Владимир и Изяслав Давидовичи поспешили вновь признать себя его вассалами (ПСРЛ, 2001b: 364). В конце 1148 – начале 1149 гг. черниговские князья приняли участие во вторжении коалиции южнорусских правителей и новгородцев во главе с

¹ Причиной этого по сообщению источников стало убийство в Киеве киевлянами плененного Изяславом Мстиславичем двоюродного брата черниговских князей Игоря Святославича.

великим киевским князем в земли Юрия Долгорукого, но действовали столь нерешительно, что результаты этого похода были сведены фактически к нулю (ПСРЛ, 2001b: 371). Накануне решающей схватки между Юрием Долгоруким и Изяславом Мстиславичем в 1150 – 1151 гг. Давидовичи разыграли, как им казалось, беспроигрышную комбинацию. В то время как старший из братьев, черниговский князь Владимир встал на сторону суздальского князя Юрия, младший Изяслав поддержал киевского князя Изяслава Мстиславича. Независимо от того, какая из сторон одержала бы победу в схватке за Киев, это должно было обеспечить Давидовичам сохранение их владений. Противоборствующие армии сошлись в битве на реке Рутец 5 мая 1151 г. Отличавшееся невиданным ожесточением это сражение завершилось сокрушительным поражением Юрия Долгорукого и его союзников. Сражавшийся на стороне Юрия черниговский князь Владимир Давидович оказался в числе погибших (ПСРЛ, 2001a: 344; ПСРЛ, 2001b: 438).

Со смертью Владимира Давидовича невольно возник вопрос о том, кому достанется старший стол в семье черниговских и северских князей: родному брату погибшего Владимира Изяславу Давидовичу или двоюродному Святославу Ольговичу. Поскольку оба они имели почти равные права на Чернигов, достаться он должен был тому, кто первым его захватит. Прихватив с собой тело убитого брата, Изяслав Давидович немедленно поскакал в Вышгород, откуда в ту же ночь переправился через Днепр и на другой день прибыл в Чернигов. Здесь Изяслав Давидович предал погребению тело покойного своего брата Владимира и сел на его столе. Противники Изяслава северский князь Святослав Ольгович и его племянник Святослав Всеволодович, спешившие занять Чернигов раньше своего родственника, по дороге узнали о вокняжении Изяслава и в панике бежали в Новгород-Северский.

Став черниговским князем, Изяслав Давидович в одночасье превратился в одного из наиболее могущественных князей Руси. Прежде всего, он попытался урегулировать отношения со своим противником Святославом Ольговичем. После поражения в битве на р. Руте суздальский князь Юрий Долгорукий не мог оказать новгород-северскому князю никакой помощи и тому не оставалось ничего делать, как униженно обратиться к Изяславу Давидовичу с просьбой о мире. Князья заключили договор, по которому черниговские и северские земли были разделены на две волости. Новгород-Северский признавался владением Ольговичей, а Чернигов – владением Изяслава Давидовича. По обычаю договор был скреплен крестным целованием (ПСРЛ, 2001b: 444). Вскоре Изяслав Давидович примирился также со своим племянником Святославом Всеволодовичем, наделив его несколькими городами за счет «вотчины» Святослава Ольговича. В результате Изяславу Давидовичу удалось упрочить свое положение. Вместе с тем, черниговский князь прекрасно понимал, что его родственники признают его власть только до тех пор, пока он имеет в своих руках достаточно сил для того, чтобы держать их в своем подчинении.

В межкняжеских отношениях Изяслав Давидович после битвы на Руте неизменно поддерживал киевского князя Изяслава Мстиславича. В 1152 г. черниговский князь сыграл важную роль в отражении очередного наступления суздальского князя Юрия Долгорукого на Киев (ПСРЛ, 2001b: 456 – 458). В это время новгород-северский князь Святослав перешел на сторону Юрия и Изяславу Давидовичу вместе с киевским князем Изяславом Мстиславичем снова пришлось идти на него походом (ПСРЛ, 2001b: 460).

В 1154 г. киевский князь Изяслав Мстиславич скончался и, как это не раз уже бывало, расстановка политических сил на юге Руси кардинально изменилась. В последние годы княжения Изяслава в Киевской земле сложилась уникальная ситуация, при которой на великом княжении сидели одновременно два правителя: переяславский князь Изяслав Мстиславич и его дядя туровский князь Вячеслав Владимирович. Вячеслав не блистал никакими талантами, но был старше годами суздальского князя Юрия Долгорукого (Котляр, 2003: 197), что позволяло южнорусским князьям отразить претензии последнего на Киев (Пятнов, 2003: 19). Поэтому похоронив Изяслава, престарелый Вячеслав задумал пригласить себе в соправители брата покойного, смоленского князя Ростислава Мстиславича. Тем временем, узнав о смерти своего союзника, черниговский князь Изяслав Давидович также поспешил в Киев. Предлогом для посещения столицы он выдвинул желание поплакаться у гроба умершего Изяслава. Однако Вячеслав справедливо предположил, что Изяслав Давидович намеревается, воспользовавшись этой уловкой, сам сесть на великокняжеский стол, и отказался впускать его в столицу. Раздосадованный Изяслав ни с чем вернулся в Чернигов, после чего заключил союз с Юрием Долгоруким и призвал его занять великое княжение (ПСРЛ, 2001b: 470).

Новая усобица не успела начаться, как престарелый Вячеслав умер. Это сразу осложнило положение ставшего его соправителем смоленского князя Ростислава Мстиславича, так как черниговский Изяслав Давидович и Юрий Долгорукий относились к нему враждебно. Поскольку суздальский князь все еще медлил с прибытием на юг, Ростислав решил воспользоваться этим и во главе киевской рати двинулся на Чернигов, требуя от Изяслава Давидовича признать его великим князем. Однако искушенный в междоусобных войнах, Изяслав угрозы Ростислава не испугался и объединился с сыном Юрия Глебом. Обе рати встретились на берегах речки Белоус. Рассчитывавший сразиться с немногочисленным войском черниговского князя, Ростислав был неприятно поражен множеством половцев в лагере противника. Потеряв от страха голову, он направил в лагерь Изяслава послов с мирными предложениями. Смоленский князь стал не только предлагать Изяславу отдать Киев, но и принадлежавший его племяннику Мстиславу Переяславль, на который он не имел никаких прав. В результате Мстислав возмутился поведением дяди и уехал в Переславль, оставив того на произвол судьбы. Прервав переговоры, Изяслав Давидович и Глеб Юрьевич бросили на лагерь Ростислава половцев. Кочевники обошли полк великого князя и после двух дней непрерывных атак, сломив сопротивление киевлян, начали

избиение противника. Сам Ростислав с трудом спасся и позднее ушел в Смоленск. Многим его воинам повезло меньше, и они были захвачены половцами в плен. Сражавшийся на стороне Ростислава племянник Изяслава Давидовича Святослав Всеволодович также был пленен половцами, но дядя великодушно освободил его вместе с другими пленными, заплатив степнякам огромный выкуп из собственных средств (ПСРЛ, 2001b: 476).

После бегства Ростислава в Смоленск Киев остался без князя, и Изяслав Давидович послал сказать киевлянам: «Хочю к вамъ поехати». При общей не любви населения на юге Руси к Ольговичам, едва ли жители столицы были рады видеть у себя князем Изяслава. Однако за черниговским князем стояли половцы, которые грабили киевские пригороды и вот-вот готовы были ворваться в сам Киев. В этих условиях киевское вече вынуждено было передать Изяславу официально приглашение сесть на великокняжеский стол: «Поеди Киеву, ать не возмутъ нас Половци, ты еси нас кнзь... Изяславъ же въехавъ оу Киевъ и седе на столе».

В исторической литературе захват Изяславом Давидовичем Киева в 1154 г., ставший первым из трех его княжений в столице, подается зачастую едва ли не как случайное стечение обстоятельств. От близости великокняжеского киевского стола, у черниговского князя-де закружилась голова (Цветков, 2009: 318). Закружиться голове действительно было от чего. Никоновская летопись следующим образом объясняет причину, толкавшую русских князей к овладению великокняжеским столом: «И кто убо не возлюбитъ Киевскаго княжения, понеже вся честь, и слава, и величество, и глава всемъ землямъ Русскимъ Киевъ, и от всехъ далнихъ многихъ царствъ стицахуся всякие человеци и купци, и всякихъ благихъ от всехъ странъ бываше въ немъ» (ПСРЛ, 2000: 202). Несмотря на далеко зашедший процесс удельной раздробленности и нескончаемые усобицы, Киев и Киевская земля в середине XII в. оставались наиболее экономически развитыми районами Руси, имевшими оживленные торговые связи со странами Западной и Восточной Европы, Балканским полуостровом, Половецкой степью, Кавказом, арабским Востоком. Киев был самым многолюдным городом страны. В нем проживало около 50 тысяч человек. Для сравнения в главном городе чернигово-северских земель Чернигове проживало всего 10 тысяч, а в Новгороде-Северском – 3500 – 5500 человек (Поляков, 2001: 51). Киев оставался главным символом целостности Руси, а правивший в нем князь, традиционно именовавшийся великим, считался «старейшим» (то есть главным) среди всех прочих князей сильно разросшегося к середине XII в. рода Рюриковичей. Не случайно князья, боровшиеся в ходе усобиц за реализацию программы единства русских земель, связывали ее успехи с необходимостью овладения Киевом (Толочко, 1987: 216). По ловам летописца, однажды овладев столицей, Изяслав Давидович уже до конца жизни не мог расстаться с мечтой о великом княжении, «зане олюбилъ бы Киевъ ему» (ПСРЛ, 2001b: 477).

Одна из главных проблем вокняжения в Киеве Изяслава Давидовича заключалась в отсутствии у него на это каких-либо законных прав, поскольку его

отец никогда не был киевским князем. Однако это обстоятельство, видимо, не очень беспокоило черниговского князя. Из-за постоянных усобиц в рассматриваемое время какой-либо порядок наследования власти в Киеве уже не действовал. Предшественники Изяслава Давидовича Всеволод Ольгович, Изяслав Мстиславич, Юрий Долгорукий захватывали власть исключительно с помощью силы. В гораздо большей степени Изяслава Давидовича должен был волновать вопрос о том, как удержаться на великокняжеском столе. Не следует забывать, что Изяслав сам пригласил незадолго перед тем суздальского князя Юрия Долгорукого занять киевский стол. Было ясно, что, узнав теперь о том, что черниговский князь в нарушение договора сам сел в Киеве, вряд ли тот согласится без борьбы уступить ему великое княжение.

По-видимому, Изяслав рассчитывал каким-то образом договориться с Юрием или успеть до прибытия суздальского князя подготовиться к обороне Киева. Однако он не придумал ничего лучшего, кроме того, как передать Переяславль, традиционно считавшийся главной «отчиной» Мономаховичей, сыну Долгорукого Глебу Юрьевичу, надеясь этой жалкой уступкой задобрить суздальского князя. Одновременно Изяслав предпринял попытку привлечь на свою сторону Ольговичей. Он «посла къ Стославу Олговичю и поча с ним думати, яко же бы Изяславу оу Киеве седети, а Стославу оу Чернигове» (ПСРЛ, 2001b: 477). Все эти перетасовки княжеских столов едва ли были способны укрепить положение Изяслава Давидовича, который не располагал ни временем, ни ресурсами для того, чтобы удержать за собой великокняжеский стол.

Между тем Юрий с большими силами уже шел на юг. По мере его продвижения к Киеву князья днепровских левобережных княжеств один за другим переходили на его сторону. В поддержку Юрию выступили Новгород Великий и смоленский князь Ростислав Мстиславич. Получивший от Изяслава Давидовича Чернигов Святослав Ольгович, «видя, что ему противу силы Юрия не удержаться», также поспешил прибыть к суздальскому князю с изъявлением покорности. Не желая кровопролития, он послал к Изяславу Давидовичу два послания, в которых стал уговаривать того добровольно уступить Киев Юрию, обещая вновь отдать ему Чернигов. Изяслав Давидович, не желая ни за что уходить из Киева, отмалчивался и тянул время. Лишь после того, как сам Юрий прислал сказать ему: «Мне отцина Киев, а не тебе», – Изяслав опомнился и прислал к суздальскому князю посла с оправданием: «Ци самы есмь ехаль Киеве? Посадили мя кияне. А не створи мне пакости; а се твои Киевъ. Дюрги же, млстивъ сыи, отда ему гневъ, и тако выиде Изяслав ис Киева» (ПСРЛ, 2001b: 478). Произошло данное событие 20 марта 1155 г.

Вернувшись в Чернигов, Изяслав Давидович вскоре пожалел, что так легко отдал Юрию Киев. По сообщению летописца, он начал уговаривать Святослава Ольговича «зачати рать на Гюрга», но тот в отличие от черниговского князя понимал, чем может обернуться эта авантюра и «не да ему» (ПСРЛ, 2001b: 479). Тогда Изяслав в одиночку стал собирать в Чернигове войско. В ответ, Юрий вынужден был призвать в Киев племянников Ростислава и Владими-

ра Мстиславичей, а также «галицкую помощь». Формально это войско было собрано в качестве демонстрации силы для заключения мира с половцами (ПСРЛ, 2001b: 481). Однако вслед за этим Юрий открыто стал угрожать Изяславу вторжением в его земли, если тот не приедет к нему для личной встречи (ПСРЛ, 2001b: 481). Перед лицом собранных суздальским князем сил черниговский князь вынужден был подчиниться. Под Лутавой князья заключили мир. По его условиям Изяслав Давидович не только добился прощения от Юрия, но и получил из его рук город Корчеськ на западе Киевской земли. По мнению ряда историков, Изяслав должен был в очередной раз подтвердить свой отказ от претензий на Киев, хотя источники этого не подтверждают. Скорее всего, мягкие условия мира в Лутаве были вызваны склонностью Юрия после захвата киевского стола к проведению политики на стабилизацию политической ситуации на юге Руси, в связи с чем он стремился урегулировать свои отношения со своим соперником прежде всего дипломатическими методами. Юрий предпринял попытку привязать к себе Изяслава Давидовича и более прочными узами. Зимой 1155 – 1156 гг. князья скрепили свой союз династическим браком: сын Юрия князь Глеб Переяславский женился на дочери Изяслава (ПСРЛ, 2001b: 482).

Став родственником суздальского князя, Изяслав Давидович, однако, не перестал интриговать против Юрия. Постепенно черниговский князь становится центром притяжения всех антисуздальских сил. К весне 1157 г. ему удалось заключить союз со своим прежним противником смоленским князем Ростиславом Мстиславичем и его племянником волынским князем Мстиславом Изяславичем, недовольными распределением Юрием волостей на юге Руси. В том же году отношения между Изяславом Давидовичем и Юрием обострились с новой силой. Повод к тому дал князь Иван Ростиславич Берладник. Этот князь-изгой, служивший в течение своей жизни различным представителям Рюрикова дома, по какой-то причине был арестован Юрием, который после утверждения в Киеве решил выдать его на расправу своему тестю галицкому князю Ярославу Владимировичу. В последний момент этому решению великого князя воспротивился киевский митрополит, и Юрию пришлось отправить Берладника в оковах обратно в Суздаль. Этим и решил воспользоваться Изяслав Давидович, чтобы насолить Юрию. Когда суздальские сторожи вместе с Берладником проезжали по территории Черниговского княжества, люди Изяслава напали на них и отбили пленника. Изяслав немедленно освободил Берладника и предоставил ему у себя убежище. В сложившихся условиях действия черниговского князя означали открытый разрыв с Юрием Долгоруким, фактически – объявление войны (Карпов, 2006: 353). Собрав значительные силы, черниговский князь готовился выступить в поход на Киев, когда стало известно, что 15 мая 1157 г. Юрий неожиданно скончался.

Смерть суздальского князя в очередной раз изменила расстановку политических сил на юге Руси. Киевляне, забыв о прежней неприязни к представителям черниговской ветви князей Рюриковичей, немедленно послали за Изясла-

вом Давидовичем, приглашая его занять великокняжеский стол (Толочко, 1987: 129)¹. 19 мая 1157 г. Изяслав торжественно въехал в Киев (ПСРЛ, 2001b: 490).

Несмотря на приглашение киевлян, второе вокняжение Изяслава Давидовича в столице Руси во многом стало возможным прежде всего благодаря компромиссу, заключенному между различными враждующими группировками князей. Претендовавший на старейшинство среди русских князей старший сын умершего суздальского князя Юрия Долгорукого Андрей Боголюбский в настоящем был поглощен утверждением в отцовских владениях и не мог уделить большое внимание южнорусским делам. Другой претендент на великокняжеский стол смоленский князь Ростислав слишком хорошо помнил недавнее поражение, понесенное от Изяслава и, не имея достаточно сил для борьбы за столицу Руси, фактически сам способствовал вокняжению своего соперника в ней. Считавшийся одним из сильнейших галицких князь Ярослав Осмомысл имел на киевский стол еще меньше прав, чем Изяслав и готов был поддержать любого из киевского князей, лишь бы тот не вмешивался во внутренние дела его княжества.

Тем не менее, положение Изяслава на великокняжеском столе оставалось достаточно сложным. Черниговский князь не был до конца уверен, что сможет удержать за собой великокняжеский стол. Поэтому, заняв Киев, Изяслав решил на всякий случай удержать за собой и Чернигов. Такой поворот событий не устроил Ольговичей (Толочко, 1987: 129), не без оснований опасавшихся, что Изяслав хочет превратить Чернигов в свою наследственную вотчину. Святослав Ольгович и Святослав Всеволодович объединили свои силы и попытались силой овладеть Черниговом. Однако, подойдя к городу, они неожиданно натолкнулись на сопротивление вщижского князя Святослава Владимировича, оставленного в нем Изяславом Давидовичем, и отступили за реку Свинь. Вскоре к Свине с полками подошел Изяслав Давидович. Не желая напрасно проливать кровь, братья завязали переговоры. В результате было достигнуто компромиссное соглашение, по которому Изяслав Давидович согласился уступить Чернигов Святославу Ольговичу, а тот в свою очередь должен был передать прежнюю вотчину Новгород-Северский своему племяннику Святославу Всеволодовичу. Формально Изяслав Давидович потерпел поражение. Однако, как признавался позднее Святослав Ольгович, Изяслав дал ему лишь «Черниговъ съ седмью городъ пустыхъ... а всю волость Черниговъскую собою держить и съ своимъ сыновцемъ, и то ему не досыти» (ПСРЛ, 2001b: 500). Как когда-то Всеволод Ольгович, Изяслав Давидович удержал за собой стратегически важную Вятческую волость и большую часть Черниговского княжества. Несмотря на заключение между северскими князьями союзного договора, впоследствии это

¹ По мнению П. П. Толочко приглашение занять киевский стол могло поступить Изяславу не от всех киевлян, а лишь от черниговской боярской партии, оказавшийся в данный момент достаточно влиятельной политической силой. Это же стало причиной того, что против вокняжения черниговского князя в Киеве не посмели претендовать другие князья.

стало причиной недовольства Святослава Ольговича и его родичей (Котляр, 2003: 237).

Вернувшись в Киев, Изяслав занялся решением неотложных внешнеполитических дел. Наибольшую угрозу южным рубежам Руси в это время представляли набеги половцев, которые, пользуясь усобицами князей, усилили свои набеги на пограничные земли. Выехав в пограничный со степью городок Канев, Изяслав провел здесь «снем» с половцами и заключил с ними мир (ПСРЛ, 2001b: 490).

Заключение мира с половцами оказалось более чем своевременно, так как уже вскоре Изяслав Давидович вновь оказался втянут в череду бесконечных усобиц. В том же году он ввязался в крупный межкняжеский конфликт в Западной Руси, выступив на стороне своих союзников Мстиславичей против захватившего Туров и Пинск князя-изгоя Юрия Ярославича. По просьбе Мстиславичей Изяслав организовал поход на Туров. Участие в нем приняли преимущественно младшие Мстиславичи – Владимир Мстиславич, Ярослав Изяславич из Луцка, Ярополк Андреевич – из Дорогобужа, Рюрик Ростиславич – из Смоленска. Кроме того, в походе участвовали отряды полоцких и галицких князей, а также союзные Киеву черные клобуки. Впервые за все годы усобиц великий князь отказался от использования половцев. В походе не участвовали также ни один из Ольговичей и главный союзник Изяслава волынский князь Мстислав Изяславич. Формально поход имел целью посадить в Турове Владимира Мстиславича, который до того времени все еще не имел стола (Соловьев, 1988: 485). В то же время сам Изяслав Давидович, по-видимому, был непрочь использовать конфликт для укрепления собственных позиций в Западной Руси.

Военные действия начались в целом успешно для Изяслава. Войска собранной им коалиции опустошили турово-пинские земли, после чего подошли к Турову, в котором затворился Юрий Ярославич, и подвергли его десятидневной осаде. Юрий умолял великого князя заключить мир, соглашаясь признать его своим сюзереном. Однако Изяслав, желавший во что бы то ни стало захватить Туров, самонадеянно отверг эти предложения. Вскоре в лагере осаждавших начался падеж коней, и Изяслав ничего не добившись, вынужден был начать отход (ПСРЛ, 2001b: 491 – 492). В итоге Юрий Ярославич остался княжить в Турове, а Изяслав вернулся в Киев.

Закончившаяся полной неудачей попытка Изяслава изгнать из Турова не слишком влиятельного Юрия Ярославича со всей очевидностью показала, что тот имел мало сил, чтобы разговаривать с другими князьями с позиции силы. Слабость позиций Изяслава, его неспособность успешно решать стоявшие перед ним задачи неизбежно должны были привести к обострению новой борьбы за великокняжеский стол.

Предлогом к усобице послужило присланное галицким князем Ярославом Осмомыслом в следующем 1158 г. к великому князю требование выдать на расправу укrywшегося у него своего двоюродного брата Ивана Берладника. С тем же требованием в Киев прислали своих послов еще шестеро русских князей:

Святослав Ольгович из Чернигова, Святослав Всеволодович из Новгород-Северского, смоленский Ростислав Мстиславич, владими́ро-во́лыньский Мстислав Изяславич, Ярослав Изяславич из Луцка и Владимир Андреевич из Дорогобужа, а также, по просьбе Ярослава, польские князья и венгерский король. Однако эта представительная делегация нисколько не напугала Изяслава. В споре он «припревь всих» послов и отпустил с решительным отказом (ПСРЛ, 2001b: 497).

Тем не менее, формально Изяслав все же вынужден был отказаться от поддержки Берладника. По-видимому, еще до прибытия послов в Киев, тот покинул столицу и ушел в Половецкие степи. Вскоре, набрав среди кочевников и берладников 6000 войско, Берладник начал военные действия в южных районах Галицкого княжества против своего «обидчика» Ярослава Осмомысла. После первых успехов его армия распалась и Иван Ростиславич был отозван Изяславом обратно в Киев (ПСРЛ, 2001b: 497).

Увидев, что киевский князь не собирается отказываться от поддержки Берладника, галицкий князь Ярослав, во́лыньский Мстислав Изяславич и дорогобужский Владимир Андреевич заключили между собой союз и начали подготовку к походу на Киев с намерением согнать Изяслава с великокняжеского стола. В ответ Изяслав в очередной раз пошел на примирение со своим двоюродным братом Святославом Ольговичем, согласившись отдать последнему в обмен на поддержку города Мозырь и Чичерск в Киевской земле. Все северские князья вновь съехались на съезд в Лутаве, где утвердили между собой «любовь велику» (ПСРЛ, 2001b: 498). Вслед за этим Ольговичи послали известие о заключенном союзе во Владимир и Галич. Перспектива столкнуться под стенами Киева с мощной коалицией северских князей остудила головы Ярослава и Мстислава Изяславича, и они отказались от похода на столицу.

Окрыленный этим «успехом» Изяслав решил сам выступить на завоевание Галича, объявив, что идет искать «волости Иванови Ростиславич». Тем временем, галичане, недовольные правлением своего князя прислали сказать великому князю: «Толико явишь стягы и мы отступимъ от Ярослава» (ПСРЛ, 2001b: 499). Но когда Изяслав вновь обратился за поддержкой к Святославу Ольговичу, тот неожиданно стал отговаривать двоюродного брата от похода ради чужого претендента. Этот отказ обозлил Изяслава, и он пригрозил Святославу после своего возвращения из похода снова выгнать того из Чернигова в Новгород-Северский (ПСРЛ, 2001b: 499).

Несмотря на утрату поддержки родни, Изяслав планировал продолжить подготовку к походу, сделав ставку на помощь подчинявшихся ему как киевскому князю черных клобуков и половцев. Согласно летописи, последние привели под его знамена целых 20 тысяч воинов. Однако пока великий князь собирал свои войска в Киеве, союзная галицко-во́лыньская рать успела занять Белгород на западной границе Киевской земли. Подойдя к городу, Изяслав начал его осаду. Здесь-то и открылась ненадежность его кочевых союзников. Пока великий князь требовал от осажденных капитуляции, бывшие в войске Изяслава во-

жди торков и берендеев вступили за его спиной в тайные переговоры с находившимся в городе Мстиславом Изяславичем и за взятку согласились перейти на его сторону. Ночью они зажгли свои шатры и с криками бросились в Белгород. Поднявшийся в лагере великого князя переполох обратил в бегство половцев, а вслед за ними побежал и сам Изяслав (ПСРЛ, 2001b: 502).

Поражение под Белгородом не только лишило Изяслава каких-либо шансов на овладение Галичем, но и привело к утрате им великокняжеского стола. Не заезжая в Киев, Изяслав бежал в Гомель, где забрал свою супругу, нашедшую убежище в Переяславле и ушел в Левобережье Днепра. Тем временем волынский князь Мстислав Изяславич со своими союзниками вступил в Киев (Бережков, 1964: 65). Мстислав не решился сам сесть на великое княжение и послал звать в Киев своего дядю смоленского князя Ростислава Мстиславича, поскольку тот был старшим в роду Мономаховичей. 12 апреля 1160 г. Ростислав вошел в Киев и сел на великокняжеский стол (ПСРЛ, 2001b: 504).

Злоключения Изяслава Давидовича на этом не закончились. Оказавшись во владениях Святослава Ольговича, он захватил землю вятичей, чем вызвал острое недовольство черниговского князя Святослава Ольговича. Святослав разграбил имущество изяславовых бояр, проживавших в черниговских землях, и схватил их жен, требуя за них выкуп (ПСРЛ, 2001b: 502). Не желая отдавать Изяславу Чернигов, в начале следующего 1161 г. глава Ольговичей заключил оборонительный союз с новым киевским князем Ростиславом Мстиславичем (ПСРЛ, 2001b: 504), выторговав от последнего обещание помогать ему в борьбе против Давидовича.

Лишившись почти всех своих владений в чернигово-северской земле, Изяслав Давидович нашел прибежище при дворе своего племянника вщижского князя Святослава Владимировича. Отсюда он намеревался продолжить борьбу за великокняжеский стол. Не имея поддержки в русских князьях, Изяслав вновь обратился за помощью к половцам. Последние, радовавшиеся любой возможности пограбить богатые русские земли, с охотой шли под его знамена. Набрал среди кочевников значительное войско, в 1160 г. Изяслав «со всею силою Половецскою» двинулся на Чернигов, намереваясь изгнать из него князя Святослава Ольговича. Достигнув Десны, половцы Изяслава заняли берег реки от устья до Гостянича. Однако все попытки сходу форсировать Десну были отражены стоявшими на противоположенном берегу полками северских князей Святослава Ольговича, его племянника Святослава Всеволодовича и пришедшими им на помощь торками и берендеями во главе с сыном киевского князя Рюриком Ростиславичем. Потеряв надежду переправиться через Десну, Изяслав Давидович пустился на хитрость. Разграбив окрестные села, он отвел половцев от реки и сделал вид, что отступает. Решив, что противник обратился в бегство, русские князья перешли через Десну и в течение дня пытались догнать его войско. Не найдя никаких следов половцев, они посчитали, что Изяслав ушел в степи и разошлись по домам.

Воспользовавшись этим, черниговский князь быстро собрал полки и вновь подошел к Десне. Изяслав был в районе Игорева брода, когда к нему пришла весть от его сторонников в Чернигове о том, что его противник Святослав Ольгович болен, в самом же городе нет никаких войск. Поверив известию, Изяслав поспешно направился к Чернигову. Ночью шедшие в авангарде половцы перешли Десну, но вместо того, чтобы попытаться сразу овладеть городом, Изяслав приказал им жечь окрестные села. Эта оплошность опального князя дала его противнику Святославу Ольговичу время не только подготовить свои полки к бою, но и вернуть ушедших к Киеву князей Владимира Андреевича и Рюрика Ростиславича. Как только те присоединились к основным силам Святослава, объединенные силы князей обрушились на продолжавших грабить села половцев и разгромили их. Изяслав с оставшимися силами не решился вступить в новую битву и отошел за Десну (ПСРЛ, 2001b: 506 – 507).

Поражение не обескуражило черниговского князя. Отступив на территорию Вщижского княжества, Изяслав набрал новые отряды половцев и зимой 1160 г. (Бережков, 1963: 66) вторгся в земли своего главного противника смоленского князя Ростислава Мстиславича, ставшего новым киевским князем. Половцы Изяслава огнем и мечом прошли по территории Смоленского княжества, «много зла створиша» и захватили более «тмы», т.е. около 10 тысяч одних только пленников, других же «исекоша» (ПСРЛ, 2001b: 508). Постепенно улучшилось положение Изяслава и в русских землях. По словам летописца, вернувшись из похода на Смоленск, Изяслав «посла къ Дюргевичю къ Андреевичю испроси оу него дщерь за сновца своего за Стослава» (ПСРЛ, 2001b: 508). С помощью этого брака черниговский князь не только породнился с могущественным суздальским князем, но и смог получить от него войско для борьбы со Святославом Ольговичем. Зимой того же года полки Андрея Боголюбского приняли участие в отражении наступления северского князя на Вщиж, а вскоре после этого состоялась и личная встреча Изяслава с Андреем на Волоке. В том же году Изяслав вынужден был принять участие в походе Андрея Боголюбского на Новгород. Воспользовавшись этим, Ольговичи в союзе с Мстиславичами и другими южными князьями вновь напали на Вщиж и после пятидневной осады вынудили племянника Изяслава Святослава Владимировича разорвать союз с дядей и признать старшинство двоюродного Святослава Ольговича (ПСРЛ, 2001b: 509).

Тем временем отношения между Ольговичами и Мстиславичами постепенно начали портиться. Началось все с того, что великий князь Ростислав Мстиславич пригласил старшего сына Святослава Ольговича Олега погостить у него в Киеве. Когда же тот приехал в столицу, стало известно, что Мстиславичи намереваются его схватить (ПСРЛ, 2001b: 512). В панике Олег бежал сначала к отцу в Чернигов, а затем ушел к Курску, где вступил в переговоры с Изяславом Давидовичем и перешел на его сторону. Недовольные союзом с Киевом другие северские князья также один за другим стали переходить на сторону Изяслава Давидовича. Примирившись в очередной раз со Святославом Ольговичем и на-

брав множество половцев в начале 1161 г. Изяслав подошел к Переяславлю, в котором княжил брат Андрея Боголюбского Глеб Юрьевич, и предпринял попытку заставить его присоединиться к походу на Киев. Попытка эта закончилась неудачей. Простояв две недели под Переяславлем, Изяслав узнал о том, что великий князь Ростислав Мстиславич, собрав большое войско, движется ему навстречу и, не приняв боя, ушел в степь. Однако стоило Ростиславу распустить свое войско, как в феврале 1161 г. Изяслав снова появился в Южной Руси.

8 февраля он перешел по льду замерзший Днепр у Вышгорода и двинулся напрямик на Киев. Нападение Изяслава застало Ростислава врасплох, так как союзные князья еще не подошли к нему, а из черных клобуков в городе находилась только незначительная часть. Тем не менее, великий князь принял решение защищаться. Сражение у стен Киева с самого начала приняло крайне ожесточенный характер. Атаковавшие в районе Подола половцы Изяслава опрокинули черных клобуков, после чего пробились через частокол в город и принялись жечь дома киевлян. Видя, что берендеи обратились в бегство, а сам Киев вот-вот будет захвачен половцами и разграблен, Ростислав по совету дружины покинул столицу и отступил на запад. 12 февраля 1161 г. в третий и в последний раз в своей жизни Изяслав Давидович вошел в Киев и сел на великокняжеский стол.

Победа, одержанная под стенами над извечным противником Ростиславом Мстиславичем, фактически ничего не дала Изяславу. Глава Мстиславичей хотя и потерпел поражение, разбит не был. Отойдя в Белгород он стал поджидать прихода союзных князей, с которыми планировал организовать новое наступление против черниговского князя. Становилось ясно, что для того, чтобы прочно удержать в своих руках великое княжение, Изяславу необходимо было нанести Ростиславу такое поражение, от которого он уже не смог бы оправиться.

Пробыв в Чернигове несколько дней, Изяслав выступил к Белгороду. Но, как и несколькими годами ранее город оказался для его войск крепким орешком. Осада Белгорода затянулась на три недели. Святослав Ольгович, отказавшийся снова участвовать в походе Изяслава, советовал двоюродному брату заключить мир с Ростиславом или даже отступить без мира за Днепр. Однако Изяслав, уставший за последние годы от непрерывных скитаний, с горечью заметил: «Братья моя воротившися поидуть оу волость свою; а мне ся воротити? В Половци не могу ити, а оу Выри не могу голодомъ мерети, а лепле хочю сде оумерети» (ПСРЛ, 2001b: 517). Осада Белгорода продолжалась. На помощь осажденному Ростиславу подошли его союзники Мстислав Изяславич из Волыни и Рюрик Ростиславич из Теремовля с отрядами черных клобуков. Изяслав узнал, что против него идет огромная рать, испугался и побежал от Белгорода. Соединившись с Ростиславом, союзники бросились преследовать отходящие полки Изяслава. Шедшие впереди торки настигли арьергард великого князя и «начаша сечи я, а инехъ руками имати». Один из них, Воибор Негечевич, нагнал самого Изяслава и ударил его по голове саблею; другой торчин поразил его копьем и

сбросил с коня. Уже умирающего Изяслава нашел Мстислав Изяславич, который приказал отправить его в киевский Семеновский монастырь. В тот же день 6 марта Изяслав скончался. Позднее его тело было отослано в Чернигов и погребено в семейной церкви святых Бориса и Глеба (ПСРЛ, 2001b: 518).

Период княжения Изяслава Давидовича в Киеве традиционно вызывает в литературе резко негативную оценку. Так, стоявший у истоков российской исторической науки В. Н. Татищев обвинял Изяслава в «неутомимой злобе и властолюбии» (Татищев, 1962: 486). По мнению П. П. Голубовского, Изяслав был неспособен удержаться на киевском столе. «Далеко уступая в хитрости Всеволоду Ольговичу, он не имел никаких воинских дарований» (Голубовский, 1881: 65). М. С. Грушевский, характеризуя правление черниговского князя, отмечал, что «беспокойный, неустойчивый, он вечно чего-нибудь добивался, что-нибудь замышлял, гонясь за неверным, терял наличное, и, в конце концов, ему грозила перспектива «голодом мерети» в опустошенном Посемье. Его смерть вполне соответствовала его тревожной жизни и неугомонному характеру» (Грушевский, 1991: 211). По мнению П. П. Толочко, при многих положительных качествах Изяслав Давидович был не способен справиться с ролью киевского князя. Он не смог проявить достаточной гибкости, делал ставку на князей, сошедших со сцены, и тем самым резко обострил внутреннюю ситуацию в стране. Поэтому его княжение не было ни удачным для него самого, ни полезным для Руси (Толочко, 1987: 129, 132). Еще более уничижительную оценку черниговскому князю давал А. П. Кузьмин, для которого Изяслав был «один из самых неудачливых и бесполезных для Русской земли князей» (Кузьмин). Данный подход полностью разделяет С. Э. Цветков, считавший, что Изяслав Давидович «зареккомендовал себя... самым никчемным из великих князей, чье недолгое правление прошло без малейшей пользы для Русской земли» (Цветков, 2009: 357).

Большинство названных оценок черниговского князя вполне справедливы. Действительно, Изяслава Давидовича не назовешь фигурой, сопоставимой по масштабам с киевскими князьями Владимиром Мономахом и его сыном Мстиславом Великим. Явно уступал он своими талантами и своим непосредственным предшественникам Всеволоду Ольговичу, Изяславу Мстиславичу, Юрию Долгорукому. Изяслав не обладал ни широтой политических взглядов, ни значительными дипломатическими способностями. В ситуациях, где необходимо было проявить гибкость и компромисс, он предпочитал идти напролом, добиваясь поставленной цели исключительно при помощи грубой силы. Вместе с тем, необходимо иметь в виду, что великие князья начала XII в. располагали несравненно большими возможностями для удержания власти в своих руках, чем Изяслав, поскольку распоряжались силами практически всех русских земель и использовали их для того, чтобы железной рукой держать в подчинении других князей. Черниговский же князь вынужден был в период своего княжения по большей части опираться на скудные ресурсы земли вятичей, и был лишен поддержки крупных союзников. Даже родственные северские князья в значительной степени выступали против него, а потому Изяслав вынужден был

опираться в борьбе за власть на половцев, которых он в огромном количестве наводил на земли своих политических противников.

Недолгое нахождение Изяслава Давидовича на великом княжении не позволяет четко выявить программу его действий. Однако нет никаких сомнений, что в своих общих чертах его политика по примеру предшествовавших киевских князей была направлена, прежде всего, на объединение русских земель. При этом Изяслав Давидович фактически был последним великим князем, который пытался объединить русские земли не на словах, а на деле. Последующие киевские властители стремились уже не к тому, чтобы силой восстановить контроль Киева над соседними территориями, а больше были озабочены тем, чтобы как можно дольше удержать в своих руках великокняжеский стол.

Список литературы

- Бережков Н. (1963) Хронология русского летописания. М.:
- Голубовский П. П. (1881) История Северной земли до половины XIV столетия. Киев: Университетская типография.
- Грушевский С. М. (1991) История Киевской земли от смерти Ярослава до половины XIV столетия. Киев: Наукова думка.
- Карпов А. Ю. (2006) Юрий Долгорукий. М.: Молодая гвардия.
- Котляр Н. Ф. (2003) Дипломатия Южной Руси. СПб.: Алетейя.
- Кузьмин А. Г. Киевская земля в XII – начале XIII века // <http://www.portal-slovo.ru/history/40870.php> (дата обращения: 18.12.2011).
- ПСРЛ = Полное собрание русских летописей (2001a) Т. I. М.: Языки славянской культуры.
- Полное собрание русских летописей. (2001b) Т. II. М.: Языки славянской культуры.
- Полное собрание русских летописей (2000) Т. IX. М.: Языки славянской культуры.
- Поляков А. Н. (2001) В граде Игореде. Новгород-Северский в конце X – начале XIII вв. СПб.
- Пятнов А. П. (2003) Борьба за киевский стол в 1148 – 1151 гг. // Вестник Московского ун-та. Серия 8. История. №1.
- Соловьев С. М. (1988) История России с древнейших времен. Кн. I. Т. 1 – 2. М.: Мысль.
- Татищев В. Н. (1962) История Российская. В 7-ми т. Т. II. М. – Л.: АН СССР.
- Толочко П. П. (1987) Древняя Русь: очерки социально-политической истории. Киев: Наукова думка.
- Цветков С. Э. (2009) Древняя Русь. Эпоха междоусобиц 1054 – 1212. М.: Центрполиграф.

Инков Александр Александрович - кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Московского гуманитарного университета.

Inkov Alexander Alexandrovich – Candidate of Science (history), Assoc. Prof., associate professor of History Department of Moscow University for the Humanities.

К реконструкции праславянской религии
Алексеев С.В.
To the reconstruction of Proto-Slavonic religion
Alekseev S.V.

Аннотация: В статье предлагается реконструкция системы религиозного культа праславян в период пребывания на прародине.

Ключевые слова: праславяне, религия, культ, ритуал, фольклор

Abstract: In this article we propose a reconstruction of the religious cult system of Proto-Slavs while staying in the homeland.

Keywords: Proto-Slavs, religion, cult, ritual, folklore

В предыдущей нашей статье (Алексеев, 2011b) были рассмотрены некоторые аспекты реконструкции мифологии праславян в период их пребывания на прародине. В настоящей работе, продолжая данное исследование, мы рассмотрим данные о праславянском религиозном культе. Мы исходим здесь из гипотезы о восточно-центральноевропейской прародине древнейших славян I тыс. до н.э. (см.: Алексеев, 2011a).

Археология не даёт чётких сведений об отправлении культа наиболее вероятными предками славян – поморско-подклёшевыми племенами. Специальные места для этого, если и имелись, почти не сохраняли материальных остатков. Отмечены лишь редкие и простейшие жертвенные ямы с костями домашних животных (чаще всего коней, реже быков, коз, овец). После жертвоприношения дно ямы покрывалось глиной, и позднее она использовалась вновь. Известны и захоронения останков животных жертв после ритуальной трапезы на могильниках. В них может отражаться своеобразное почитание жертвы (См.: Лука, 1973; Malinowski, 1985: 339-340; Русанова, 2002: 72, 79). Отсутствие культовых зданий в целом согласуется со сведениями, предоставляемыми нам славянским языкознанием, а также народным искусством. У праславян существовали места, посвящённые богам и предназначенные для поклонения им («божницы»?). Однако первоначальное значение слова «храм», указывает, кажется, не на здание в собственном смысле слова, а на лёгкое сооружение (над жертвенной ямой?) вроде шатра или навеса. Остовом его могло служить священное дерево. Именно такая композиция восстанавливается по некоторым сюжетам прикладного искусства. Что касается идолов, то для праславян они какое-то время были явлением чужеродным, о чём свидетельствуют заимствованное происхождение и неоднозначный смысл слова «болван» (См.: ЭССЯ, 1975: 229¹; ЭССЯ, 1976: 121-122; ЭССЯ, 1981: 74-76)². «Столбовая» форма идола, ка-

¹ *božьnica – слово редкое, но с иранскими соответствиями; впрочем, возможна и калька с библейского греческого (SP, 1974: 345).

² Об изображении «храма» в народном искусстве см.: Динцес, 1947; Денисова, 1990; Денисова, 1992. Надо отметить, что изображения богов могли и не иметь особого названия, поскольку считались непосредственно ими – у восточных, южных славян, у кашубов

жется, общеславянская, – однако могла развиваться веками под внешним влиянием на основе поклонения обычному столбу или дереву. Сохранение названия священного огня «атра» вкупе с многочисленными средневековыми свидетельствами указывает и на него как ещё один видимый объект поклонения. Впрочем, «живые» огни разжигали и в домашних очагах, и под открытым небом.

Немалое место в праславянской религии занимала народная магия. И поверья о чародействе, предвещании, оборотничестве, и соответствующие ритуалы, и праславянская терминология колдовства весьма богаты. Наиболее известны и разнообразны гадания. Они при определённых обстоятельствах и соблюдении правил были доступны любому, хотя имелись и «специалисты» (например, бортники или «кобники» – предсказатели по природным знакам, в том числе полёту птиц). Славянская культура знает немало способов гаданий – от метания жребия до гадания по снам. Чрезвычайно распространено у славян гадание по брошенным в воду предметам – своеобразным жертвоприношениям на счастье. Гадание вообще рассматривалось как вступление в некую связь с «иным», «чужим» миром, опасным для людей или даже враждебным. Отсюда многочисленные поверья о необходимости «открыться» в гадании перед потусторонним, отринуть все возможные обереги, а как следствие – об опасности самого гадания. Праславянский язык слабо различает гадание и магию. «Гадать», «гатать» – одновременно и «говорить», и «ворожить», – и именно значение «говорить (сакральный текст)» для этого слова первично. Сюда же относится ещё слово «ганать» со сходным значением и близкородственное «ганить» – «хулить, бранить (= проклинать?)». Итак, в древнейшую пору основным в гадании являлось произнесение магической формулы, священного текста, обеспечивающего результат (ЭССЯ, 1979: 77-78, 99-100, 105; ЭССЯ, 1983а: 101-103; Виноградова, 1995: 127-130)¹.

Собственно магические действия назывались другим древним глаголом – «чаровать», производным от «чара, чары». Последнее обозначало как собственно магию, так и один из её методов – нанесение на землю или дерево волшебных знаков, черт и линий (ЭССЯ, 1977: 22-25; ср.: SP, 1976: 112-113). Маг или гадатель, входя в контакт со сверхъестественным, «чувял» его, с чем связано другое понятие – «чудо, чудный» как обозначение чего-то величественного, необычного, великолепного. Но параллельно и родственно этому обозначение опасных и даже подчас вредоносных для окружающих результатов действий самого чародея – «куд, кудо/кудеси» (ЭССЯ, 1977: 128-130; ЭССЯ, 1987а: 82-85; SP, 1976: 278-282, 295-297). Славяне верили в возможность сглаза, откуда слова «обидеть», «обида» (*ob+vida от *ob+vidēti). Дурным глазом в народных поверьях наделялись различные колдуны и демоны, либо злые божества, наподобие известного Вия (ЭССЯ, 2005: 47-51).

Основным культовым действием являлось «моление», или «молитва» – жертвоприношение, сопровождаемое просьбой к божеству или духам. Такое отмечено именование идолов (и икон) «богами» (Успенский, 1982: 118-119).

¹ О слове «кобник» и родственных см. ещё: Общая лексика, 1989: 111-118.

жертвоприношение – «молебных» животных или священного питья – завершалось ритуальной трапезой. В славянской культуре сохранилось немало пережитков самых разных жертвенных обрядов (См.: Байбурин, 1979: 155-162; Успенский, 1982: 93-99, 132-141, 147, 153-155, 161-179, 184-186; Байбурин, 1993: 150-152, 158-160; Байбурин, 2005: 69-84; ЭССЯ, 1983b: 109-110; ЭССЯ, 1992: 86-95; ЭССЯ, 2002: 68, 98-100; ЭССЯ, 2003: С.103¹; ЭССЯ, 2005: С.30-36; Петрухин, 1995: 181-183; Толстая 1995: 319-320; Виноградова, Толстая 1995: 325-326; Агапкина, 1995: 327-329)². «Моления» совершали по праздникам, для отвращения бед, при постройке нового здания. Существовала восходящая к индоевропейской эпохе иерархия кровавых жертв: петух (или курица) – бык (реже корова) – конь – человек. Впрочем, человеческие жертвоприношения совершались, насколько можно судить, лишь в исключительных случаях. От поморской культуры известен единственный (в отличие от лужицкой) пример жертвоприношения молодого мужчины. Оно завершилось каннибальской трапезой и захоронением останков вперемешку с животными жертвами (Malinowski, 1985: 339). В преданиях часто говорится о человеческой «строительной» жертве. Однако на практике при постройке домов обычно резали кур или убивали коня (реже крупный рогатый скот) – что отразилось в названиях детали крыши «конь», «курица».

Вообще, проблема человеческих жертв в первобытных обществах едва ли нуждается как в романтической идеализации, так и в романтических же (на свой лад) преувеличениях. Ясно, что, с одной стороны, в мировоззрении древних «варваров» не было почти ничего, что налагало ограничения на жертвы такого рода. С другой стороны, ограничения возникали самым естественным и в известном смысле неморальным путем – ввиду потребностей сохранения и воспроизводства немногочисленного родового коллектива. Потому в большинстве случаев человеческую жертву стремились замещать, даже если сохранялось представление о ее необходимости и даже ее название. Последнее – случай с индоарийской пурушамедхой, по крайней мере в поздневедический период начавшей превращаться в символический ритуал (См.: Paprola, 2007: 157-177). Нуристанцы XIX в. приносили в жертву (или «посвящали» богу через ритуальное убийство) пленников (Йеттмар, 1986: 94); соплеменников же заменяли животными, обычно козлами. При этом в преданиях сохранялась вполне четкая память о замещающем характере таких жертв (См.: Йеттмар, 1986: 159, 171).

У славян средневековья и нового времени животная жертва чаще всего закалывалась или резалась, а затем расчленялась. Кровью её кропили участников обряда, за чем следовала трапеза. Останки жертвы сжигали, зарывали, «по-

¹ *obsveṭiti – любопытен южнославянский перенос этого термина на кровную месть.

² Ритуалы жертвоприношения и пережиточные их формы в народной культуре специально рассмотрены в работах Н.Н.Велецкой. При этом в умерщвляемом человеке она видит на деле «легата», посланца в «иной мир», в «обожествляемый Космос», понимаемый как обитель героев-предков (см.: Велецкая, 1978; Велецкая, 2009).

гребали» в землю (отсюда, в том числе, обряд «похорон животных») – здесь данные этнографии точно совпадают с археологическими. К участию в трапезе заклинаниями-призывами приглашали богов и духов, которые затем символически «проводжались» или даже «прогонялись». В ритуале могли использоваться дымящиеся растительные благовония (слово «кадить» – праславянское).

Наряду с полноценным «молением» могли совершаться жертвоприношения и иных видов. Жертвы могли умерщвляться и бескровно – через удушение, утопление, погребение заживо. Совершалось «нечистые» жертвоприношения гадов и диких птиц в разного рода магических ритуалах. Совершались и приношения еды, зерна, оберегов, различных предметов. Жертвы такого рода нередко просто оставались в укромных или глухих местах как пища для духов предков, дома или природы. Самые разные жертвы приносились силам иного мира через посредство вод – топились или «пускались по воде». Таким жертвам придавался обережный и очистительный смысл. К древнейшей поре восходит обычай и обещать жертву высшим силам на будущее. Такое обещание именовалось праславянскими словами «обет», «оброк». Жертвенный обряд «освящал» (ещё один древний термин) человека или место, вводя их через приносимую жертву под сень высшей, «святой» реальности. С другой стороны, жертвоприношения воспроизводили ситуацию почитаемого мифа – например, «основного» мифа о победе громовержца над своим противником. Обычай «строительной жертвы» как бы повторял акт творения богами мира из тела первосущества – при сотворении «своего», жилого, обустроенного пространства.

Обрядовые действия могли быть как семейными или личными, так и коллективными, охватывающими всю общину. Праздничное (или магическое) действие с участием целого поселения, племени или людей определённого возраста издревле именовалось у славян «игрой», «игрищем». Такого рода «игры» могли включать в себя как составляющие и жертвоприношения, и пляски с пением, и многое иное. Обозначения участников обряда «игрец» и «играч» кажется, несколько различались по смыслу. Первое означало скорее «актера» – бродячего, к тому же перевоплощающегося и ведущего себя непристойно в ходе «игры» (празднества), позднее даже «нечистого духа». Второе же слово обозначало просто «игрока», любого участника праздничного ритуала (см.: ЭССЯ, 1981: 208-213). Первую категорию составляли члены ритуальных братств и сестричеств, изначально тождественные «тайным» мужским и женским союзам, либо напрямую жрецы. Ряженные, они как бы перевоплощались в призываемых для ритуала духов, нередко враждебных людям, совершали непристойные и запретные поступки (о ритуальном ряжении в славянской культуре см.: Валенцова, Виноградова, 1995: 343-345). Но и все участники действия, можно думать, пользовались большей свободой, чем в патриархальной повседневности. Для введения в экстаз использовались в религиозных действиях хмельные напитки, а также разного рода дурманящие растения.

Ряд бытовых действий, которые можно было бы воспринимать как обычную личную гигиену, для праславян имели глубокий ритуальный смысл. Преж-

де всего, это касалось регулярных омовений. Даже обычному «мытью», омовению с растительным «мылом», придавалось ритуальное значение. Это было обрядовое очищение от скверны, наиболее важное при переходе из одной возрастной группы в другую. Таким образом, омовение, обозначавшееся древним дославянским глаголом «мыть», оказывалось наряду с пострижением важнейшей частью обряда инициации. Но была и иная форма ритуального омовения, обозначавшаяся глаголом «купать». Последний связан с заимствованным у причерноморских ариев названием конопли и обозначал, следовательно, известный скифам обычай омыться под её парами. У славян, впрочем, «купанием» уже очень быстро стало называться очищение погружением в открытый водоём («купель»). Связкой, однако, служило то, что и при этом обряде использовались пахучие травы. «Купание» являлось более важным ритуальным очищением, чем «мытьё», и дольше сохраняло религиозный смысл (См.: ЭССЯ, 1985: 58-63; ЭССЯ, 1994: 27-28, 76-79; ЭССЯ, 2000: 161-162; ЭССЯ, 2001: 103-107).

Другим способом обрядового очищения являлось умащение, обтирание тела и волос. Для этого могли использоваться разнообразные животные и растительные смеси («мазь», «мазило»), но особенно растительное и молочное «масло» (слово прямо родственное). Для последнего это, кажется, было основное применение. Терминология маслоделия у славян развита слабо. Но при этом названия изготовителя масла («масларь»), приборов и сосудов для его приготовления («масленица», «масленик», «масленка») – праславянские. Кажется, это была сначала сфера сугубо ритуальная, не имевшая отношения к повседневному хозяйству. С другой стороны, для умащения могли использоваться и потреблявшиеся в пищу сало или жир («лой») (См.: ЭССЯ, 1988: 258-259; ЭССЯ, 1990: 222-232; ЭССЯ, 1993: 26-27, 30-31).

Очистительные обряды имели огромное значение. Человек, приступающий к ритуалу, становящийся на грань между «святым» и повседневным миром, должен был обладать определёнными качествами. Среди качеств внутренних с дославянских ещё времён удержалось представление о необходимости «(благо)говеть» перед сверхъестественным. Это выражалось и в определённых внешних действиях – например, молчании и неподвижности перед святыней при совершении обряда жрецом. Отсюда позднейшее, в христианской уже культуре, обозначение поста «говеть». Почтение к богам, «набожность», относится, вероятно, к числу древнейших предписываемых славянской культурой добродетелей. В этом контексте следует понимать и ритуальное очищение. То же натираие, «мазание» жирами и маслами призвано было украсить человека перед божеством, придать ему черты «святого» мира, сделать его там своим. С этим можно связать происхождение славянского слова «лепый» – «красивый» (от первоначального значения «лепить» – «мазать»). Внешним признаком посвящения божеству у животных считалось белая голова или особенно белое пятно («звезда») во лбу. У человека этому соответствовала лысина, так что праславянское слово «лысый» обозначало то и другое. Спектр его значений включал «белый, светлый, священный». В ряде важнейших обрядов (в том числе по-

святительных) человек мог стать «лысым» искусственно, обриваясь наголо или скрывая волосы (См.: ЭССЯ, 1980: 72-73; ЭССЯ, 1987b: 225-228; ЭССЯ, 1990: 45-52; ЭССЯ, 1994: 216-217).

Противопоставление «священного» и «мирского» может рассматриваться как центральное для праславянской системы ценностей с религиозной, собственно «священной» точки зрения (основным «мирским» противопоставлением было «счастье-несчастье») (см.: Иванов, Топоров, 1965: 180-184). В рамках этой оппозиции «набожному» поведению противопоставлялось осквернение, профанация «святого». Осуждалось само отношение к «святому» как повседневному, обыденному, приравнивание его «к кости», к брэнному – «кощун». В появлении этого термина для обозначения религиозного проступка, насмешки иногда видят влияние иранцев. Как бы то ни было, древность и религиозный смысл этого славянского слова достаточно очевидны (См.: ЭССЯ, 1984: 169, 187).

Список литературы

- Агапкина Т.А. (1995) Пускать по воде // Славянская мифология. М.: Эллис Лак. С.327-329.
- Алексеев С.В. (2011-1) Проблема славянской прародины // Историческое обозрение. Вып. 12. С. 4-22.
- Алексеев С.В. (2011-2) К реконструкции праславянской мифологии // Знание. Понимание. Умение. № 4. С.79-89.
- Байбурин А.К. (1979) «Строительная жертва» и связанные с нею ритуальные символы у восточных славян // Проблемы славянской этнографии. Л.: Наука. С.155-162.
- Байбурин А.К. (1993) Ритуал в традиционной культуре. М.: Наука.
- Байбурин А.К. (2005) Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. М.: Языки славянской культуры
- Валенцова М.М., Виноградова Л.Н. (1995) Ряжение // Славянская мифология. М.: Эллис Лак. С.343-345.
- Велецкая Н.Н. (1978) Языческая символика славянских архаических ритуалов. М.: Наука.
- Велецкая Н.Н. (2009) Символы славянского язычества. М.: Вече.
- Виноградова Л.Н. (1995) Гадание // Славянская мифология. М.: Эллис Лак. С. 127-130.
- Виноградова Л.Н., Толстая С.М. (1995) Приглашение // Славянская мифология. М.: Эллис Лак. С. 325-326.
- Денисова И.М. (1990) Дерево – дом – храм в русском народном искусстве // Советская этнография. №6. С. 100-114
- Денисова И.М. (1992) Образ древнеславянского храма в русском народном искусстве // Этнографическое обозрение. №5. С. 103-124.
- Динцес Л.А. (1947) Дохристианские храмы на Руси в свете памятников народного искусства // Советская этнография. № 8. С.67-94

Иванов В.В., Топоров В.Н. (1965) Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М.: Наука.

Йеттмар К. (1986) Религии Гиндукуша. М.: Наука.

Общая лексика германских и балто-славянских языков (1989). Киев: Наукова думка.

Петрухин В.Я. (1995) Жертва // Славянская мифология. М.: Эллис Лак. С.181-183.

Русанова И.П. Истоки славянского язычества. Черновцы: Прут.

Толстая С.М. (1995) Похороны животных // Славянская мифология. М.: Эллис Лак. С.319-320.

Успенский Б.А. (1982) Филологические разыскания в области славянских древностей. М.: Изд-во Московского университета.

ЭССЯ = Этимологический словарь славянских языков. Вып. 2. 1975. Вып. 3. 1976. Вып. 4. 1977. Вып. 6. 1979. Вып. 7. 1980. Вып. 8. 1981. Вып. 9. 1983. Вып. 10. 1983. Вып. 11. 1984. Вып. 12. 1985. Вып. 13. 1987. Вып. 14. 1987. Вып. 15. 1988. Вып.17. 1990. Вып. 18. 1993. Вып. 19. 1992. Вып. 21. 1994. Вып. 27. 2000. Вып. 28. 2001. Вып. 29. 2002. Вып. 30. 2003. Вып. 31. 2005. М.: Наука – Ин-т русского языка РАН.

Luka L.J. (1973) Wierzenia pogańskie na Pomorzu Wschodnim. Wrocław, Zakład Narodowy im. Ossolińskich.

Malinowski T. (1985) Wielkopolska w otchłani wieków. Poznań, Wydawn. Poznańskie.

Paprola A. (2007) Human sacrifice in India in Vedic times and before // The strange world of human sacrifice. Leuven, Peeters Publishers. P.157-177.

SP = Słownik Prasłowiański. T. 1. 1974. T.2. 1976. Wrocław, Wydawn. PAN.

Алексеев Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Московского гуманитарного университета, главный редактор журнала «Научные труды Московского гуманитарного университета», председатель правления Историко-Просветительского общества.

Alekseev Sergey Viktorovich, Doctor of Science (history), Professor, Head of the Department of History of the Moscow University for the Humanities, the chief editor of the journal «Studies of the Moscow University for the Humanities», Chairman of the Board of Historic-Educational Society.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пеньковский Д.Д.</i> О Владимире Константиновиче Криворученко	4
<i>ИСТОРИЯ</i>	
<i>Ишков А.А.</i> Князь Изяслав Давидович Черниговский: политический портрет	6
<i>Алексеев С.В.</i> К реконструкции праславянской религии	24

Правила представления рукописей авторами и требования к оформлению представлены на официальной странице издания:

http://www.mosgu.ru/nauchnaya/nauch_trudy/

На сайте также представлены содержание всех выпусков/номеров и полный список публикаций в «Научных трудах Московского гуманитарного университета».